

ПРОЛОГ

Жарким июльским утром девушка с адидасовской сумкой через плечо шла по вокзальной площади. Вокруг было полно народу. На то это и вокзал, чтобы создавать вокруг себя людскую воронку. Кто-то провожал, кто-то встречал, кто-то торговал трижды разогретыми беляшами вчерашнего производства. Людей было много, и у всех — возбужденные и озабоченные лица, без которых неприлично занимать место на вокзальной площади.

Солнце палило, не скупясь на лучи. Облачка попрятались, а может, просто испарились. Асфальт плавился, деревья изнемогали, кошки и собаки лениво разметали свои тела в тени. Все живое потеряло желание двигаться. И только люди, как самые выносливые существа на свете, продолжали нести багаж, хлопотать, суетиться, торговать беляшами и даже их есть.

Девушка шла вперед, пересекая вокзальную площадь с упорством муравья. Пот стекал по ее спине тонкими струйками, просачиваясь между худеньких лопаток, и достиг бы пяток, если бы не резинка от трусов. Трусы были самые простые, хлопчатобумажные, хорошо впитывающие влагу. Этим их достоинства исчерпывались. Девушка сэкономила на всем, что было скрыто от посторонних взоров.

Тратиться на красивые трусы ей представлялось непозволительной роскошью. Скромные сбережения и подаренные родителями деньги были тщательно распре-

Лана Барсукова

делены. За вычетом стоимости плацкартного билета до Москвы оставалось совсем немного, чтобы снять на первое время какое-нибудь жилье. Не важно где, лишь бы кинуть туда свою тяжелую сумку, оттягивающую плечо, и налегке ринуться в бой — найти работу и место под жарким столичным солнцем.

Москва давно работала по принципу пылесоса, вытягивая со всей России амбициозную молодежь. Сюда перетекали все победители школьных олимпиад и спортивных турниров, лауреаты и номинанты всевозможных конкурсов, королевы красоты и «золотые» голоса России — все, кому судьба наметнула на их исключительность, достойную столичной жизни. Сюда же, как по этапу, двигались главные воры страны, бандиты и шулера, киллеры и мошенники. И делали это исключительно добровольно, без конвоиров, следуя по пятам за богатыми людьми. Мятущиеся души российских пассионариев преодолевали притяжение родных мест и соскакивали с провинциальных орбит. Словом, все самое яркое и сильное, включая самое порочное и наглое, собиралось в Москве — городе, который концентрировал в себе мощные проявления человеческого духа в их светлой и темной ипостаси. Здесь ковалась особая порода людей, готовых терпеть толчею и суету, копить транспортную усталость и раздражение от вечной нехватки времени ради того, чтобы попытаться сделать свою жизнь яркой, насыщенной, результативной. У большинства не получалось. Но на то это и Москва, чтобы слезам не верить. Ни слезам, ни мольбам, ни клятвам, ни тем авансам судьбы, которые были получены дома.

Москва-пылесос вытянула девушку из ее в меру уютного гнездышка в компактном, застойном и мило-провинциальном городке, где она закончила журналистский факультет местного института. И вот она прибыла на вокзальную площадь Москвы с честолюбивыми планами «покорить» этот зарвавшийся город.

Сочини мою жизнь

На Москву у нее были наполеоновские планы и полная уверенность в их осуществимости. По ее мнению, Наполеона подвело войско, которому хотелось греться у костров и произносить французские тосты под русскую водку. Если бы не армия, у Наполеона был бы другой финал. А она одна, ее никто подвести не может, ей легче, она победит. Конечно, историки нашли бы изъяны в ее логике, дескать, без войска Наполеон не взял бы Москву, но девушка была не историком. Она была журналисткой.

* * *

Будучи студенткой, Таня Сидорова даже не допускала мысли, что останется работать в своем городе. К окончанию учебы у нее выработалась стойкая привычка говорить не «город», а «городок». И этот уменьшительно-ласкательный суффикс свидетельствовал о многом. Нет, Таня не относилась к своему «городку» презрительно. Скорее снисходительно. Как будто она его переросла, он стал ей тесен.

Когда она стояла на высоком берегу реки, вдоль которой распластался их город и куда в обязательном порядке приводили редких, невесть откуда взявшихся в этих краях туристов, в ее взгляде читалось вовсе не презрительное равнодушие. Наоборот, ее лицо становилось взволнованным, а взгляд увлажнялся. Так смотрят взрослые люди на свои детские игрушки. Они их любят, дорожат ими, но не воспринимают всерьез. Все это в прошлом.

Так и Таня. Она очень любила свой «городок» и готова была дать отпор любому, кто позволил бы себе унижительно отозваться о нем. Но, защищая его, она точно знала, что это ее прошлое, которое почему-то еще длится, странным образом проникая в настоящее. Скорее бы уж закончилось это настоящее и началось будущее, которое совершенно точно будет связано с Москвой, где она станет властительницей дум.

Лана Барсукова

Как безнадежно устарел бедняга Ленин, который считал, что для победы революции важно захватить вокзалы, почту и телеграф. Кому они нужны сейчас? В современном мире достаточно прибрать к рукам средства массовой информации. СМИ решают все. Ну или почти все. И Таня будет в числе тех небожителей, которые, как акушеры, присутствуют при рождении новых мыслей, новых желаний своих современников. Дух захватывало от таких перспектив!

При получении диплома она не просто приняла документ из рук декана, а нетерпеливо дернула его, ускоряя торжественную церемонию. Таня торопилась вперед, выше, дальше. Ей хотелось выйти на другую орбиту, ближе к солнцу. Казалось, что там теплее и ярче.

Путеводной звездой была Москва. В отличие от москвичей, Таня Сидорова знала, сколько маковок на соборе Василия Блаженного, поскольку календарь с изображением этого довольно аляповатого памятника архитектуры шестнадцатого века висел над ее письменным столом. В минуты душевных тревог и сомнений она поднимала глаза и считала эти маковки, разглядывала их непохожесть. Это успокаивало и возвращало веру в достижимость мечты. Купола, как доброжелательные заговорщики, словно подмигивали ей и обещали, что все получится.

Когда пришло время уезжать в Москву, Таня сняла со стены календарь и отрезала от него мелкие значки ушедших дат. Все эти январь-февраль стали прошлым и были без сожаления отправлены на свалку. Оставшуюся картинку Таня бережно скатала трубочкой и взяла с собой как талисман. Собор был похож на радугу, застывшую в камне, радостную и волнующую, как будущая Танина жизнь.

Глава 1

СТРАННЫЙ ЗАКАЗ

Кто не знает, как устроен мир журналистики, представляет себе пространство, оформленное в соответствии с самыми современными дизайнерскими веяниями, по которому носятся энергичные люди, переполненные новостями и обуреваемые желанием поделиться ими со своими согражданами. На самом деле этот мир куда более прозаичен и куда менее импозантен. Его классический представитель – сутулый трудяга, уныло стучащий по клавишам компьютера и ежеминутно заглядывающий в сервисное окно под названием «статистика», потому что он уже изнемог, а заказанные тысяча слов о работе местного строительного треста или передвижного вытрезвителя все не складываются. Мечты об эпохальных статьях, наполненных глубоким смыслом и стилевым изяществом, быстро вытесняются потогонной системой, круговертью репортажей и заметок. Главным признаком профессионализма становится умение упаковать банальную мысль в нужное число строк, слов, печатных знаков. Неблагодарный народ при этом не желает начинать день с газеты или с телевизионных новостей. Тиражи падают, таща вниз гонорары.

Все это Таня познала на себе. Прошло три года после ее приезда в Москву. Заштатная городская газета, которую Таня нашла «на первое время», так и осталась ее уделом. Ничего лучшего не подворачивалось. Потолок ее роста оказался на уровне плинтуса.

Лана Барсукова

Несбывшиеся надежды выматывали нервы, заставляя вновь и вновь проводить ревизию того, где и в чем она ошиблась. Впрочем, это обыкновенная история. Большинство женщин ярко влюбляются, потом разочаровываются и, наконец, расстаются. Но Таня не принадлежала к большинству, и поэтому все те страдания, которые женщины связывают с мужчинами, она переживала в связи с работой. Она воспринимала профессиональные неудачи как фиаско любовного романа. Все началось с яркой вспышки, с любви с первого взгляда, когда Таня решила, что не сможет жить без журналистики. Потом пришло охлаждение, равнодушие, и вот-вот наступит расставание. Да, Таня начинала подумывать о смене профессии. Может, бухгалтерию освоить? Или кадровый учет? Скучно, скулы сводит от одних этих слов, но сидеть в душной редакции и писать никому не нужные репортажи тоже нерадостно, да еще и почти за бесплатно.

Правда, ходить на бухгалтерские курсы или предлагать себя в других редакциях было некогда. Таня работала как вол или как муравей — при условии, что вол или муравей умели бы писать. Но они не умели, и поэтому Тане приходилось обходиться без красивых сравнений. И вообще ей некогда было подбирать точные сравнения для личного употребления, она приберегала все для работы — меткие выражения, точные эпитеты, яркие метафоры и смачные гиперболы.

Получалось неплохо. Даже, можно сказать, очень хорошо получалось. Главный редактор, Петр Симонович, был ею весьма доволен и в глубине души сочувствовал Татьяне, понимая, что она заслуживает большего, чем он может ей дать. А дать он мог небольшую зарплату и редакционные задания про открытие новых станций метро и закрытие старых мусорных свалок.

Таня чувствовала себя обманутой. Над ее рабочим столом в захлавленной редакции висел старый кален-

Сочини мою жизнь

дарь с разномастными куполами собора Василия Блаженного. Таня смотрела на него с укором. Дескать, ну и зачем звал? Она вглядывалась в его цветастость и вместо прежнего радостного предчувствия грядущих перемен ее охватывало беспокойство оттого, что жизнь проходит напрасно и безвозвратно. Яркие купола казались раскрашенными масками, за которыми прячется кто-то недобрый, насмехающийся над ней.

Время будто застыло, один день редакционной жизни был словно под копирку срисован с другого. Ничего не происходит и, похоже, не произойдет. Татьяна вспоминала свой приезд в столицу и свою решимость покорить этот город. Не вышло! Конечно, в глазах своих одноклассников и сокурсников Таня держала марку, для них она была примером удачной карьеры — все-таки в Москве работает, в столичной газете. Но Таня-то знала, что газета — замухрыжистая, ее бесплатно раздают пассажирам в метро, на конечной станции которого Таня снимает крошечную квартирку. И даже не квартирку, а комнату, к которой прилагалась хозяйка-пенсионерка с собачкой той самой неопределенной породы, которую разводят одинокие старушки. «Живу в жопе, работаю в дерьме» — так Татьяна определяла итоги своего похода на столицу.

* * *

В один из таких бесцветных дней, когда она была в двух шагах от капитуляции, от готовности признать свое полное поражение и отказаться от пустых мечтаний, судьба дала ей шанс. Этот шанс был обставлен довольно буднично: главный редактор вызвал Таню к себе. Она уныло поплелась получать новое задание. Никаких волнующих предчувствий у нее не было.

— Танечка, вы садитесь, располагайтесь, разговор у нас будет не быстрый. — Петр Симонович пододвинул ей стул.

Лана Барсукова

Таня постеснялась стряхнуть со стула крошки и села прямо на них, жалея новые джинсы и проклиная себя за деликатность.

— У меня такое чувство, что вы утомились от однообразия своей работы. Или я не прав?

— Правы, — сказала Таня и подумала, что это тот редкий случай, когда он прав на все сто процентов.

— Тогда, может, обсудим мое предложение? Оно весьма деликатного свойства, — замялся редактор.

«Не иначе как про кастрацию котов писать заставит», — свирепо подумала Таня.

— Дело в том, — продолжал шеф, — что мой приятель намерен баллотироваться в Государственную думу. Он довольно состоятельный человек и готов хорошо заплатить за помощь.

«Ага, станет довольно состоятельный человек с тобой приятельствовать. Ты, поди, неделю руку не моешь, если он ее пожимает», — думала Таня, сохраняя на лице доброжелательное выражение.

— И какая помощь ему нужна? — с живым интересом спросила она.

— Я думаю, он сам это расскажет при личной встрече. Так вы согласны?

— Простите, я что-то не поняла, на что я сейчас подписываюсь? В чем именно должна состоять моя помощь?

— Я же ясно сказал, все при личной встрече. Если вы согласны, я дам вам номер его телефона, и вы обо всем договоритесь. Что же тут непонятного? — начал раздражаться Петр Симонович.

«Ясно, — подумала Таня, — он сам ничего не знает. Его используют втемную. Попросят дать толковую журналистку, а для чего — не говорят. Вот тебе и приятель», — образила Таня. Она была смышленной девушкой.

— Я согласна, — сказала она, а про себя подумала: «Чем я рискую? Кастрация котов от меня никуда не денется. Этот хит всегда останется за мной».

Редактор вытащил из кармана заранее написанный набор цифр, и настроение его явно улучшилось. Видимо, он переживал, что Таня откажется. А ему так хотелось выслужиться перед этим весьма состоятельным человеком.

Таня взяла телефонный номер и решила позвонить вечером, после работы. Ей казалось правильным не проявлять нетерпение, немного выждать. Есть в этом что-то солидное, как будто она загружена важной работой. К тому же будет время все обдумать.

Поразмыслив, Таня пришла к выводу, что она ничем не рискует. А выиграть может. Ну в самом деле, если бы это был какой-нибудь маньяк или любитель плотских утех, то зачем бы он стал обращаться к главному редактору? Лучше уж в модельное агентство. Или в «Аэрофлот», там стюардессы любимым моделям фору дадут. А журналистки обычно очкастые, побитые молью, к тому же многие из них идейные, а это женщине красоты не добавляет. Нет, это предложение точно не про клубничку. Деньги опять же. Хватит копейки считать, надоело на колготках и трусах экономить. Нет, решено, она ему позвонит.

Под цифрами было написано рукой редактора «Игорь Лукич». «Ну и отчество, не перевелось еще такое, — подумала Таня. — Да, не было у родителей этого Игорька чувства стиля. Как можно было с таким отчеством ребенка Игорем назвать? Если уж выпало родиться Лукичом, то жить надо скромно, каким-нибудь Иваном или Прохором. Они бы еще Альбертом назвали или Эдуардом». Эти размышления придали ей уверенности. При таких родителях и сынок, наверное, звезд с неба не хватает. Может, попросит ему речь предвыборную написать? Или интервью для их газеты сделать? Сам-то наверняка дальше «мама мыла раму» не пошел. С этим чувством интеллектуального превосходства Таня легко набрала номер телефона:

Лана Барсукова

— Игорь Лукич? Добрый день!

— Да, я вас слушаю. — Голос был жесткий и волевой.

— Это я вас слушаю. Мне ваш номер Петр Симонович передал.

— Какой Петр Симонович?

Такого оборота Таня не ожидала.

— Петр Симонович — главный редактор нашей газеты...

— Ах, Петька! — довольно бесцеремонно оборвал ее Игорь Лукич. — Быстро он подсутился, быстро. Ну, так что, девушка?

— Что? — не поняла Таня. С каждой секундой ее чувство превосходства таяло, как мороженое на солнце.

— Работать будете на меня?

— Смотря что вы вкладываете в это слово.

— А вам не все равно? — Игорь Лукич засмеялся. — Не бойтесь, на вашу честь я не посягну. Работать — это работать. В вашем случае — это складывать буквы в слова, а слова в предложения. Петька говорил, что вы это здорово делаете. Или врал по привычке? — снова засмеялся он.

Тане стало неприятно. И оттого, что он называл ее шефа Петькой, и оттого, что они обсуждали за ее спиной ее достоинства, пусть и профессиональные. А может, и не только профессиональные?

— Я не знаю за Петром Симоновичем привычки врать. Это первое. А второе — я соглашусь на ваше предложение только после того, когда вы четко и ясно поставите задачу, — холодно ответила Таня.

— Молодец! Зубастая! Такая мне и нужна. Короче, я все понял, я тебя беру. Приходи ко мне в офис завтра после восьми...

— Вечера?

— А вот перебивать меня не надо. — Игорь Лукич выдержал паузу. — После восьми вечера. Адрес у Петьки узнай, мне некогда диктовать. Пока, — и он повесил трубку.

Таня была в бешенстве. Что значит — он ее «берет»? Она, кажется, согласия ему не давала. И почему на «ты»? С какой стати? Она что, девочка по вызову? Хотя даже девочкам по вызову адрес диктуют. А тут ему, видишь ли, некогда. На Петьку, тьфу ты, на Петра Симоновича стрелки перевел. Наглый, самоуверенный, зарвавшийся хам, нувориш несчастный. Прочитать бы такого! Как сладко было бы перезвонить и сказать только одно слово: «нет». Еще лучше прийти к нему в офис и сказать это ему в лицо. Тягуче, с оттяжкой, эдакое «не-е-ет», как в кино, когда предлагают любовь за деньги. Или встретить его на экономическом форуме в Давосе, где она будет освещать слет деловых сливок общества, и гордо пройти мимо под ручку с Чубайсом. Или...

Таня горько усмехнулась. Как говорила ее мама: «Мечты, мечты, где ваша сладость? Мечты ушли, осталась гадость». Ничего этого не будет. Ни Давоса, ни Чубайса, вообще ничего. А если она сейчас откажется, то и новых трусов не будет.

Таня специально сгущала краски, рисуя денежную катастрофу. Конечно, трусы она могла себе позволить. Но ей хотелось убедить себя в том, что из-за материальных затруднений у нее нет другого выхода, что она вынуждена согласиться на предложение этого Игоря Лукича. Этим она обманывала себя. Обманывала, чтобы не признаваться себе в том, что почувствовала в этом хаме властность, силу, которой она не способна противостоять. Примерно то же чувствовал бы кролик, который поговорил по телефону с удавом. Глупое, конечно, сравнение. Неудачное образное выражение. Удавы не произносят звуки, они гипнотизируют взглядом. А тут только голос. Что будет, когда к нему добавится еще и взгляд? Таня с тревогой осознала, что ей хочется увидеть этот взгляд. Увидеть удава целиком.

И она вновь постучалась в кабинет Петра Симоновича.

Лана Барсукова

— Что? — спросил он с тревогой. — Созвонились? Все хорошо?

— Да, и он поручил вам сказать мне адрес его офиса.

Таня надеялась, что главный редактор дернется, дескать, я не нанимался адреса диктовать. Ему надо, пусть сам и диктует. Но надежды были напрасными. Петр Симонович продиктовал, не поморщившись. Похоже, быть в услужении у этого Игоря Лукича доставляло ему удовольствие.

— Так, значит, договорились? — спросил он для полного успокоения.

— Вроде того, — уклончиво ответила Таня. Ей было стыдно признаться в том, что о характере работы Игорь Лукич ей ничего внятного не сказал.

— Вы, Танечка, там, как бы это сказать, помягче, не вставляйте на дыбки. Вы уж не подведите, не испортите наши отношения.

В голове у Тани пронеслось: «Наши отношения? Нет, Петр Симонович. Это тот случай, когда у вас с ним отношения есть, а у него с вами нет».

А Петр Симонович продолжал:

— Игорь Лукич спонсирует нашу газету, помните об этом, пожалуйста. Кстати, наш прошлый выезд на базу отдыха всем коллективом, как сейчас модно говорить, для укрепления корпоративного духа именно он оплатил. А коллектив у нас прекрасный. Малочисленный, но с хорошим аппетитом, рвали зубами шашлыки, как тигры, — и он противно хмыкнул. — Вы уж постарайтесь, не подведите всех нас. Из нашей братии вы самая талантливая журналистка, золотое перо у вас, истинно золотое. Договорились?

Таня зачем-то кивнула и двинулась к выходу. Да что ж сегодня за день такой? Все хотят с ней о чем-то договориться. Настроение стало еще хуже. Так, значит, Игорь Лукич их спонсор? И шашлыки-машлыки из его кошелька оплачены были? Таня их ела с огромным аппетитом,

она вообще мясо любит. Получается, что она как будто уже взяла аванс за работу и даже его потратила. Знала бы, не ела. Только кинзу пожевала бы. И зачем ей Петр Симонович про эти шашлыки рассказал? Намекал, что она, как честный человек, должна отработать этот кусок мяса? А она возьмет и откажется. Вот прямо сейчас вернется к нему и откажется. И пусть сам своему Лукичу перезванивает. Ей, может быть, некогда. В конце концов, все ели, не она одна. Людка из бухгалтерии вообще с собой домой полный пакет шашлыков набрала. Вот пусть Людка и пишет.

Таня несла эту ерунду, чтобы убедить саму себя в том, что она еще ничего не решила, что способна послать этого Лукича вместе с его шашлыками куда подальше. Она тешила себя иллюзией выбора, прекрасно осознавая, что его нет. Что путь у нее — только вперед. На встречу с удавом.

* * *

Офис Игоря Лукича оказался в тихом центре, в самом дорогом районе, называемом в народе «золотой милей». Это был милый особнячок, на стене которого, поискав, наверняка можно было бы найти табличку «Охраняется государством». И, глядя на ряд дорогих автомобилей, припаркованных во дворе этого исторического сооружения, было понятно, что особняк охраняется государством от плебса, то есть народа без признаков аристократизма. Кованая ограда с вензелями придавала особняку солидность и вызывала ассоциацию с Викторианской эпохой. Вообще Таня не очень дружила с историей и не могла бы точно сказать, когда случилась эта самая Викторианская эпоха и какой архитектурный стиль ей соответствовал, но само слово было таким торжественным, что Таня представляла себе эту эпоху в парче и с кованой оградой по периметру. Для полного соответствия образу не хватало только слуг в ливреях. Точнее,

Лана Барсукова

они были, но в серых деловых костюмах. И назывались службой охраны.

Таня невольно провела ревизию своего внешнего вида. Джинсы вполне пристойной марки и сиреневый пуловер, который она недавно тщательно очистила от катышков с помощью специальной машинки. Этот сиреневый цвет очень шел к Таниным глазам, да и сам пуловер, льнувший к ее телу, весьма ненавязчиво, но однозначно подчеркивал стройность ее фигуры. Таня чувствовала себя молодой и гибкой, как пантера, красивой и привлекательной. Точнее, еще совсем недавно чувствовала. Пока шла к остановке, ехала в метро, поднималась на эскалаторе, шла по «золотой миле». Но стоило ей войти в ворота кованой ограды, как это чувство предательски покинуло ее, улетучилось, исчезло без следа. И когда слуги без ливрей перегородили ей путь и поделовому спросили: «Вы к кому?», она не увидела в их глазах ни тени заинтересованности в ее фигуре или симпатии к ее милому лицу. В их глазах читалось «простушка», и Таня была с ними согласна. В декорациях Викторианской эпохи она смотрелась неуместно.

Захотелось сбежать, но это было бы еще комичнее. Таня дала себе слово выбросить машинку по зачистке катышков вместе с сиреневым пуловером и купить что-то дорогое и элегантное, такое, чтобы эти холодные мужчины из службы охраны сверкнули глазами и проводили ее взглядом как недоступную им роскошь. Таня мечтала и одновременно знала, что это вряд ли сбудется. Она шла по жизни по другому треку, по другой лыжне, и траектория ее движения не пересекалась с дорогами магазинами вовсе не по причине нехватки денег. Если бы денег стало больше, вряд ли бы что-то изменилось. Просто каждому свое. В ее среде сиреневый пуловер был вполне уместным нарядом. У журналистов своя униформа — джинсы и что-нибудь сверху, от растянутых футболок до толстых свитеров, в зависимости от сезона.

И сидеть она любит, поджав одну ногу, что не стыкуется с деловой юбкой. В другой позе у нее прекращается течение мысли. Но за небрежное отношение к одежде надо платить. Например, выдерживая на себе надменный взгляд охраны.

— Вы к кому?

— К Игорю Лукичу.

Таня перехватила недоуменный взгляд вышколенных охранников.

— Он вас ждет?

— Да, — выдавила из себя Таня. Голос при этом дал предательскую слабину. Она уже ни в чем не была уверена.

— Ваш паспорт?

Таня увидела, как один охранник взял ее документ, а второй отошел в сторону и стал звонить. Паспорт листался долго. Тане показалось, что бесконечно долго. И унизительно долго. Было очевидно, что охранник тянет время, пока его напарник выясняет, действительно ли ждут Татьяну. А если там не подтвердят? Ее выгонят, как корову, зашедшую в чужой огород? Возьмут хворостину и похлопают по бокам, приговаривая: «Пошла, пошла!»

И ведь пойдет. Что ей останется? Между лопатками противно потекла струйка пота. Ничего, резинка от трусов надежно стоит на ее пути. Это уже было три года назад, когда она приехала в Москву. И что изменилось? Стоило ли приезжать? Зачем все это? Напрасные хлопоты ей выпали, не более.

— Проходите, пожалуйста. — Голос охранника стал любезным и даже подобострастным, — по лестнице, на второй этаж.

«Ага, значит, меня и вправду там ждут», — смекнула Таня.

— А дальше куда?

— Я же сказал, на второй этаж.

Лана Барсукова

— Спасибо, я услышала про второй этаж. Кабинет не подскажете?

— Девушка, у Игоря Лукича кабинет занимает весь второй этаж. Там одна дверь, вы не ошибетесь. — В голосе охранника чувствовалось удивление неосведомленностью посетительницы.

Видимо, сюда приходили только осведомленные.

Но главное, что ее ждут. Это придало ей уверенности, и по мраморной лестнице с витыми перилами она поднималась уже без прежней душевной дрожи. Вот и второй этаж, длинный коридор, в конце которого обозначена одна-единственная дверь. Похоже, ей сюда. Как не хочется! Как в пасть к удаву. И как тянет туда!

Глава 2 ЗАВЕТНЫЙ СПИСОК

У Игоря Лукича выдался плохой день. Точнее, обычный. Все последние дни тяжело было назвать хорошими. Он вынужден был тащить на себе груз борьбы за место в партийном списке, дающем право стать депутатом Государственной думы. Мало состоять в партии, надо получить «проходное» место в заветном списке, определяющем очередность прохода в законодательный орган страны. И Игорь Лукич старался изо всех сил, преодолевая отвращение к внутрипартийной борьбе.

Выборы в стране были устроены не хитро, но конспиративно. Никакого мошенничества! Механика выборов проста и элегантна. Члены партии, как лошади на скачках, имели свои порядковые номера в партийных списках, в строгом соответствии с которыми дружными рядами шли в Думу. Но перед каким-то номером дверь закрывалась, мест на него не хватало, и ему не оставалось ничего, кроме как заливать горе коньяком стоимостью с бюджет малого городка.

Ради экономии на коньяке или по какой-то другой причине, но члены партии прикладывали титанические усилия, чтобы получить «проходной» номер, дающий шанс на победу. Они толкались локтями, трясли кошельками, всячески доказывали верность партии и ее лидеру. Ситуация напоминала очередь за синими курицами на излете советской власти. Все стояли с номерами, написанными на ладошках, и вдруг какому-то номеру объявляли: «Курей больше нет, кончились». Здесь же «заканчивались» не куриные мощи, а мягкие, обитые бархатом, кресла в Государственной думе. Это был весомый повод расстроиться и напиться с горя.

Конечно, прохождение в Государственную думу не обходилось без помощи народа, который по этому случаю называли электоратом. Народ гордился этим высоким званием, догадываясь о его заморском происхождении, и старался оправдать оказанную ему честь. Электорат подходил к урнам, бросал туда избирательные бюллетени и покупал в местном буфете пирожки по цене, соответствующей официальным оценкам инфляции. Потому что в обычных магазинах инфляция почему-то была выше.

Правда, народ не голосовал за людей из партийных списков. Это было бы хлопотно, ведь пришлось бы читать трудно выговариваемые фамилии и вникать в хитросплетения биографий. Чтобы не утомлять народ, то есть электорат, ему предлагали голосовать за лучших представителей той или иной партии. Обычно ими оказывались спортсмены и артисты, герои и губернаторы. И купивший пирожок представитель электората не вполне понимал, что, отдавая голос этим белозубым красавцам, он открывал дверь в Думу всему «партийному списку». Поэтому артиста или спортсмена политтехнологи называли «паровозом», который тащил на себе в Думу собратьев по партии. И чем больше голосов собирал «паровоз», тем больше номеров партийного списка оказывались проходными.

Лана Барсукова

Когда обыватель видел по телевизору светлый лик представителя власти, он недоумевал, дескать, ну как такого могли выбрать. «И какой мудака за него голосовал?» — спрашивал он жену с ноткой подозрения, уж не она ли. Прекраснодушный наивный обыватель даже не догадывался, что именно он привел этого странного человека в депутатское кресло. А если ему сказать об этом, то можно обидеть до глубины души. Нет, никогда и ни за что! Он голосовал за известного артиста, или за спортсмена, или за героя всевозможных войн. Где же они? Почему вместо них нарисовались эти невыразительные и очень довольные собой лица? В строгом соответствии с законом, по очередности партийного списка.

Вот в этом всем и болтался последнее время Игорь Лукич. Он ненавидел эти игры, презирал собратьев по партии, подозревал в прохиндействе партийное руководство, а уж политтехнологов вообще за людей не считал, они вызывали у него брезгливость. Но ему нужен был мандат депутата. Это открывало перед его бизнесом определенные перспективы, выводило на новые высоты и создавало соблазнительные возможности. А бизнес был для него всем, он жил ради возможности развивать свое дело.

Однажды Игорь Лукич ударил психолога, который пытался ему внушить, что в жизни есть что-то более важное, чем бизнес. Нет, Игорь Лукич точно знал, что дело важнее всего. Потому что его земной путь закончится, а бизнес будет жить. Это его загробная жизнь, намек на вечность, его египетская пирамида. Психолог посягнул на веру Игоря Лукича и получил по морде, как получает святотатствующий в храме.

Бизнес Игоря Лукича был связан с производством сыра. Электорат любил сыр и ради него готов был бы отдать за Игоря Лукича свои голоса. Бросил бюллетень — получил тугий мячик «Свали» или круг «Пошехонского», который можно катить домой, как покрывало от колеса,

или кирпичик «Гауды», приятной тяжестью оттягивающий руки. Игорю Лукичу было не жалко ради дела раздать хоть тонну сыра, не вопрос. Но прямые бартеры сыра на голоса избирателей были запрещены законом.

Приходилось идти к цели обходными путями, через партийные коридоры, где Игорю Лукичу не хватало воздуха. Там пахло бездельем и интригами, самодовольством и посредственностью. И когда на встречах с партийным руководством секретарша спрашивала его: «Вам чай или кофе?», его так и тянуло сказать: «Рвотных пакетов, и побольше», но он говорил с милой улыбкой: «Кофе, со сливками, если можно». Производство сыра не простило бы ему своенравности. Бизнес был больше чем жизнь. Рвотные пакеты требовались для жизни, а кофе со сливками для бизнеса. Поэтому он выбирал кофе.

Настроение у Игоря Лукича было отвратительное. Очередной день, украденный у бизнеса, был потрачен на партийную возню. Самого лидера партии, небезызвестного Пал Пальча, не было на этом сборище, к чему все отнеслись с пониманием и даже с каким-то благоговением. Ведь он не просто отсутствовал, а по уважительной причине. Эту причину весьма кратко и вместе с тем красочно объяснил собравшимся его заместитель, Валериан Генрихович.

— Пал Пальч сегодня не сможет принять участие в нашем собрании, его вызвали... — и он закатил глаза к небу, — на самый верх.

— Помер, что ли? — шепотом уточнил сосед Игоря Лукича.

Словно услышав вопрос, Валериан Генрихович пояснил:

— То, что президент сверяет, как говорится, политические часы с нашим партийным лидером, убедительно свидетельствует о том, что наша партия занимает особое место на политическом небосклоне страны. Мы

Лана Барсукова

верно понимаем суть проблем, стоящих перед нашим обществом, и не уступим это понимание никаким политическим конкурентам.

Все заплодировали. Валериан Генрихович, воодушевленный реакцией зала, а может, просто по привычке, еще минут двадцать говорил про вызовы времени и партийный ответ на эти вызовы. Начал он весьма вяло, но потом разошелся и достиг высот ораторского искусства, гневно обличая тех, кто стоит на пути к очередному спасению страны.

Валериана Генриховича за глаза называли гуттаперчевым мальчиком. Нет, он не выступал в детстве в цирке, не вставал на мостик и не делал шпагат, но его биография была столь причудлива, что вполне оправдывала это прозвище. На одном посту он насаждал то, что гневно обличал и с чем решительно боролся, переместившись в другое кресло. Важно отметить, что эти кресла стояли не просто в ряд, а на разных ступенях восходящей вверх лестницы. То есть карьера шла в гору, и довольно крутую, по которой мог карабкаться только «гуттаперчевый мальчик». Впрочем, сам Валериан Генрихович предпочитал называть себя серым кардиналом, было в этом что-то солидное и таинственное, в духе романов Дюма.

Игорь Лукич, запрещая себе смотреть на часы, чтобы не раздражаться, смиренно переждал гневную отповедь Валериана Генриховича всем врагам России. Заключительная, кульминационная часть речи была вполне оптимистичной. В ней Валериан Генрихович подробно изложил доводы в пользу неизбежного светлого будущего всего прогрессивного человечества под руководством России. Оптимизм был к месту, потому что далее следовал фуршет, и хороший политический прогноз был необходим для правильного пищеварения.

Объявили перерыв. Игорь Лукич устремился к Валериану Генриховичу, а тот к семге. Похвалив рыбку, которая, судя по всему, была контрабандной, Игорь Лукич

приступил к главному. Интимно придерживая «серого кардинала» за локоток, он аккуратно поинтересовался, в какую сумму партия оценивает возрождение России, и с готовностью предложил внести эту сумму на счет партии. То, что деньги разворуют, Игорь Лукич не сомневался, он вообще не верил тем, кто произносил слова про величие. Ему привычнее были слова про оборудование, про жирность молока, про подвижной состав, про тару и холодильные камеры.

Валериан Генрихович снисходительно усмехнулся и ответственно заявил:

— К сожалению, только деньгами такие вопросы не решаются. Но, конечно, при наличии финансового ресурса что-то можно сделать на благо родины, по крайней мере, попытаться.

И написал на салфетке сумму. Нулей было много.

Игорь Лукич положил салфетку в карман. Какое-то время они жевали бутерброды молча. Наконец сырodel снизил голос так, чтобы его могли слышать только Валериан Генрихович и семга, и напрямки спросил:

— Как вы, человек опытный, считаете: достаточна ли будет эта сумма для положительного решения вопроса?

— Для возрождения былого величия? — спросил, жуя, Валериан Генрихович. — Да, думаю, вполне хватит.

— Нет, у меня интерес помельче. Точнее, приземленнее.

— Тогда не понимаю. Вы о чем? — И собеседник подхватил новый ломоть семги.

— Хотел бы быть полезным партии в составе депутатской фракции. Каковы мои шансы на «проходной» номер в партийном списке? Или этой суммы слишком мало? Вы скажите, я добавлю, но мне хотелось бы знать наверняка, — сказал Игорь Лукич так тихо, что даже семга начала прислушиваться.

— Ну... Думаю, что борьба только начинается, наши политические оппоненты сильны как никогда. — Вале-

Лана Барсукова

риан Генрихович говорил громко, как на трибуне. — Народ устал, он изверился, его идеалы попораны и цинично преданы. История не простит нам, если мы упустим наш последний шанс поднять страну с колен, дать людям надежду и хлеб. Не только история, мы сами себе не простим.

Эта речь имела успех. Народ, окружающий их столлик, начал быстро рассеиваться. Подхватив тарелки и фужеры, партийцы отбегали на безопасное расстояние, чтобы не мешать пищеварительному процессу. Дождавшись, когда рядом с ними не будет никого, «гуттаперчевый мальчик» тихо сказал:

— В этой ситуации добрая воля спонсоров особенно ценна. Мы ценим ваше желание помочь партии материально. Я думаю, что удвоение этой суммы решит ваш вопрос положительно. Разумеется, я ничего не гарантирую, все решит народ в ходе свободного волеизъявления... Но мы со своей стороны сделаем все от нас зависящее, — и он подхватил очередной кусок семги.

Игорь Лукич понял, что возрождение величия страны стоит, по партийным расценкам, в два раза меньше, чем его депутатский мандат. На эту сумму можно было построить несколько квадратных метров космодрома.

Деньги он перевел в тот же день, считая, что инвестирует их в свой бизнес. И эти инвестиции, по его прикидкам, должны были дать хорошую прибыль.

Глава 3

ШАРПЕЙ С ГЛАЗАМИ ВОЛКОДАВА

Таня постучалась в дверь — сначала тихо и деликатно. Ответа не было. Потом громко и беспардонно — с тем же успехом. Она уже хотела обиженно уйти, как откуда-то из глубины пространства за дверью послышался стук каблучков. Каблуки цокали довольно долго, набирая громкость.

Видимо, расстояние до двери было приличным. Таня терпеливо ждала. Наконец дверь отворилась, и на пороге оказалась красивая женщина средних лет. На лице ее явно читалось раздражение. «Секретарша», — догадалась Таня.

Та смотрела на нее молча, видимо, ожидая каких-то пояснений.

— Меня Игорь Лукич ждет. Он приглашал меня в офис после восьми, — почему-то с просительной интонацией сказала Таня.

— И что? — Голос у секретарши оказался низкий, грудной, как у французской певицы Мирей Матье.

И не только голос. Весь ее облик соответствовал Таниным представлениям о том, как выглядят настоящие француженки. Ну или должны выглядеть, согласно общему мнению тех, кто никогда не бывал во Франции.

Русская француженка оглядела Таню и вынесла вердикт:

— У вас нет явных признаков анорексии.

— Спасибо, я знаю, — удивилась Таня.

— Не хватает сил дверь открыть? У меня много работы, я не швейцар перед посетителями двери распахивать, — строго отчитала ее секретарша.

Таня почувствовала, что густо краснеет. Действительно, что это с ней? Как можно было так опозориться? Чего она ждала? Крика «Входите, открыто»? Это же не их затрапезная редакция, где главный редактор на стук всегда так откликается. Или кричит, если в хорошем настроении: «Кто стучится в дверь моя? Видишь, дома нет никто». Три года Таня работает в этой газете, и три года главный редактор считает это смешным.

А тут другой мир. С русской француженкой, с кабинетом во весь этаж, с кованой оградой Викторианской эпохи. И посреди всего этого стоит Таня, как деревенщина неотесанная, которая не умеет пользоваться дверью. Лично Таня ничего не имела против деревенских жителей, но в ее детстве, когда хотели заклеить чело-

Лана Барсукова

века за его отсталость, почему-то называли его деревенщиной. Вот сейчас пришло на ум.

— Может быть, войдете? — насмешливо сказала секретарша. — Ничего, что я тапки не предлагаю? У нас тут, знаете ли, все по-простому.

«Съязвила, — догадалась Таня, — так мне и надо! Душает, наверное, что раз посетительница стучится, как в квартиру, значит, и на тапки рассчитывает».

Она чувствовала жар на лице и понимала, что из красной становится пунцовой. Как же она будет разговаривать с Игорем Лукичом, если его охрана поставила ей шах, а секретарша мат? Она не смогла достойно представить себя даже в глазах обслуживающего персонала. Может, не стоит ей дальше идти? «Людей смешить только» — так говорили в ее детстве про ситуацию потенциального позора.

Ну зачем она вообще сюда пришла? Лучше, пока не поздно, повернуться и уйти. Нырнуть в метро и снова почувствовать себя стройной и упругой, поймать на эскалаторе заинтересованный взгляд встречного мужчины, легко догнать уже отъезжающую маршрутку, войти в нее с чувством превосходства над прочими пассажирами. Потому что она молодая журналистка, и у нее все впереди, и Москва когда-нибудь покорится ей.

Ни черта не покорится! Таня вдруг поняла это с такой безжалостной ясностью, что не осталось ни сомнений, ни иллюзий. Другой мир для нее закрыт, она в него не проникнет. Охрана и секретарша отфильтруют ее как самозванку. Она не монтируется с этим миром особняков, кованых оград, французского шарма и делового этикета. Она так и будет писать про новые станции метро, сидя в обшарпанной редакции, поджав под себя ногу и хрустя печенюшками. И стряхивать крошки с сиреневого пуловера, очищенного от катышков.

— Я пойду, извините за беспокойство, — бледным голосом сказала Таня.

Сочини мою жизнь

Видимо, женщина поняла, что переборщила, и сказала уже более мягко:

— Игорь Лукич сейчас говорит по телефону. Вам придется подождать немного.

Секретарша неопределенным жестом дала понять, что следует идти за ней. Таня переступила порог и оказалась в просторном помещении, где все было как-то странно организовано, но оглядываться по сторонам было неловко. Таня семенила за секретаршей, стараясь идти строго по ее следам, как будто она шла по болоту.

— Присаживайтесь, — секретарша жестом указала на кожаный диван. — Чай? Кофе?

— Спасибо.

— Спасибо, чай или спасибо, кофе? — уже с улыбкой уточнила секретарша.

— Чай, — пискнула Таня, сомневаясь, что сможет протолкнуть глоток в зажатое горло.

— Черный или зеленый?

— Любой. Мне все равно.

— И мне все равно.

— Тогда черный, — сказала Таня и тут же пожалела.

Надо было зеленый выбрать. Черный чай простецкий, его в школьных столовках раздают. Продвинутые личности предпочитают зеленый чай, он полезнее для сосудов и зубы не окрашивает. Опять она не смогла себя подать, вот ведь какое невезенье.

Русская француженка, как назвала ее для себя Таня, неспешно прошла в какой-то аппендикс, где, видимо, располагалось что-то вроде кухни. Таня чуть выдохнула и, пользуясь тем, что осталась в одиночестве, огляделась.

И было на что смотреть! Пространство было организовано весьма необычно. Вдалеке маячила дверь, за которой, видимо, скрывался говорящий по телефону Игорь Лукич. Неподалеку от двери стоял стол, окруженный всевозможной офисной техникой. Эти факсы-шмак-

Лана Барсукова

сы готовы были по первому зову печатать, сканировать, копировать, резать, брошюровать, принимать и отправлять сообщения, словом, обеспечивать инфраструктуру делового процесса. Это было пластмассовое войнство секретарши.

Впрочем, называть русскую Мирей Матье секретаршей было как-то неловко, это слово не стыковалось с ней. Ведь слова несут не только смысл, но и образ. Таня чувствовала образность слов, она была не самой плохой журналисткой. Эта женщина была похожа на секретаршу примерно так же, как возвращающиеся с уикэнда аристократы похожи на толпу дачников в набитой электричке.

При слове «секретарша» Тане представлялась крашеная блондинка или брюнетка, не важно, но обязательно как-то очевидно крашенная, которая носит одежду, оптимистично рассчитанную на похудение. Швы на юбке и пуговицы на груди тихо трещат, с явным напряжением сдерживая рвущуюся на свободу плоть. И поверх этого, как последний штрих к образу, звучит покровительственный голос: «Я вас умоляю!» «Мое заявление подписано?» — «Я вас умоляю, сказано же, три рабочих дня». — «Шеф сможет меня принять?» — «Я вас умоляю! У него сегодня все занято». Представить русскую француженку в этом образе было немислимо. Нет, только не секретарша. Уж лучше, с учетом обилия техники, называть ее «IT-помощницей» или «хозяйкой офиса». Тоже не совсем, но все же лучше, чем секретарша.

Пока IT-помощница колдовала над чаем, Таня продолжала осмотр пространства. Тут было чему подивиться и даже изумиться. Вдоль стен шли стеллажи, на которых громоздились какие-то железки, напоминающие воронки, желоба, вращающиеся кастрюли, баки, бочонки, тазы и прочее непотребство. Многие метры, отданные под свалку металлолома разного рода и племени... Вот для чего понадобился целый этаж! Особо массивные

и тяжелые предметы лежали на полу. Теплая медь контрастировала с холодным блеском никеля, приземистые тазы подпирали тонкие сосуды, округлые бока осторожно отодвигались от острых граней каких-то металлических кубов. «Может, это инсталляция такая?» — подумала Таня.

А что? Сейчас это модно. Поставят рядом с треснувшим унитазом хрустальный фужер, и готов экспонат на биеннале современного искусства. Таня регулярно и бойко делала репортажи с таких выставок по заданию редакции. Сначала отказывалась: дескать, не понимает ничего в современном искусстве, но Петр Симонович сказал, что писать про это «прости господи искусство» все равно придется, а лучше Тани никто с этой темой не справится. Надо только включить воображение. Таня включила на полную мощность. Дескать, хрусталь и унитаз как контраст добра и зла, как дихотомия небес и пучины, и что-то еще в подобном духе. Правда, она не очень понимала, что из этой парочки отвечало за добро. Наверное, хрусталь, он возвышенный. Хотя... она бы предпочла остаться без хрусталя, но с унитазом. Таня даже поделилась сомнениями с Петром Симоновичем, но он ее успокоил. Дескать, пиши что хочешь, пусть спасибо скажут, что газета этому бреду рекламу делает.

Правда, тогда случилось ЧП. Пока верстался номер, кто-то из посетителей выставки разбил хрустальный фужер. Случайно это вышло, или был совершен акт вандализма по отношению к современному искусству, об этом история умалчивает. Спасая положение, вместо хрусталя к подножию унитаза положили моток колючей проволоки. Организаторы выставки заявили, что художественная ценность экспоната не пострадала. И тогда Таня наскоро переписала текст, ввернув про контраст мешанского уюта, символом чего выступал, разумеется, унитаз, с колючестью нонконформизма. Получилось даже лучше, с претензией на социальную концептуальность, с на-

Лана Барсукова

меком на борьбу мещанства и бунтарства. Жаль, некуда было ян и инь вставить, это сейчас хорошо идет, люди по фэншуй жить стараются. Словом, такие инсталляции Таня легко превращала в строки репортажей. Петр Сибинович всегда хвалил.

Может, ее за этим и позвали? Точно! Как она сразу сообразила? Купил Игорь Лукич от дурной головы дорогущую инсталляцию, чертову кучу денег потратил, весь этаж этим металлоломом занял, а мир даже не знает, какой он продвинутый любитель современного искусства. Не просто любитель, а страстный обожатель, судя по грандиозности этой инсталляции. И она, Таня, должна об этом всему миру поведать. Для того и позвал в офис, чтобы она своими глазами это «прости господи искусство» увидела. Ладно, будет тебе, дорогой любитель прекрасного, шеренга слов, обрыдаешься от восторга! Таня даже начала крутить в голове, словно прицеливаясь, «железная сцепка геометрий», «металлическая симфония», «нежность железа и стали»...

— Вам чай с лимоном? — вопрос вырвал ее из лап творчества.

— Что, простите?

— Лимон в чай положить?

— Спасибо, не стоит. Вообще-то я зеленый чай обычно пью, просто давно черный не пила, вот и решила попробовать, — запоздало оправдалась Таня.

— А я предпочитаю черный чай с лимоном и сахаром. «И я», — хотелось сказать Тане, но было поздно.

В это время дверь кабинета в конце тоннеля, обрамленного металлическими изделиями, приоткрылась, и на пороге возник высокий мужчина. Издалека Тане показалось, что он красив. В том, как он энергично распахнул дверь и как нетерпеливо оглядел пространство, чувствовались сила и напор. Для Тани это было синонимом мужской красоты. Ценить другие мужские качества она еще не умела, ей было всего двадцать пять лет.

Сочини мою жизнь

Мужчина властно сказал:

— Татьяна? Заходите!

Таня суетливо начала пристраивать чай на журнальный столик, торопясь и боясь задержать властного мужчину. И вдруг услышала то, что перевернуло ее картину мира:

— Подожди. Дай девушке чай допить, — властно сказала помощница.

— Некогда мне, Лера, пусть с собой сюда возьмет. Мне, кстати, тоже сделай. Лимон не забудь только.

И дверь закрылась.

Таня выдохнула. Все это время она не дышала. Это был не офис, а сумасшедший дом с грудой металлолома и командующей секретаршей. Кажется, она ему еще и «тыкает». Интересно, а чашку за собой мыть она не заставляет? И лимон съесть? Чтобы витамины не пропали. Но, как говорится, у всех свои причуды. Масштаб причуд пропорционален количеству денег.

Таня двумя глотками втянула в себя весь чай и поблагодарила небо за то, что не подавилась. От чая освободилась, уже хорошо. Пронести чашку и не расплескать она была не способна. Руки были какие-то вялые и предательски дрожали. Теперь ноги. Они вроде в порядке. Ноги оказались надежнее рук, устойчивее к стрессу.

Изображая бодрый шаг, Татьяна Сидорова двинулась вперед. Цокот каблучков должен был распугать кошек, которые скреблись в ее душе. Примерно так Наполеон входил в Москву — бодрым шагом и с тяжелыми предчувствиями.

* * *

Кабинет Игоря Лукича был обычным. Точнее, он был серым и скучным на фоне Таниных ожиданий. Она была разочарована. Что именно ожидала увидеть за дверью Таня, она и сама не знала. Но вот так просто — стол,

Лана Барсукова

кресла, книжный шкаф, — это отдавало нотками банальности и даже смахивало на обман. По ее мнению, любители современного искусства не имели права на такие кабинеты.

А вот хозяин кабинета разочаровать не мог. Он был как сгусток энергии, как шаровая молния в деловом костюме. Всего в нем было с избытком — он говорил чуть громче обычного, широко улыбался и чрезмерно жестикулировал, указывая на кресло. И даже черты лица у него были как будто немного утрированные, что придавало ему сходство с шаржем на самого себя. Это была внешность, с которой нельзя идти на преступление. Даже страдающий провалами памяти запомнил бы такое лицо. Подобно тому, как после взгляда на молнию яркая вспышка всюду маячит перед глазами, посмотрев минуту на Игоря Лукича, можно было отвернуться и разглядывать в подробностях отпечатанное в памяти изображение.

Издали мужчина показался Тане красивее, чем при ближайшем рассмотрении. И это было понятно. Расстояние скрашивало резкость внешности. Так актер со сцены часто кажется красивее, чем в жизни, а симпатичные в обычной жизни лица становятся никакими на сцене.

Игорь Лукич бросил быстрый оценивающий взгляд на Таню. Он все делал быстро и как-то рьяно, словно рентгеновский аппарат. Видимо, увиденное ему понравилось. Игорь Лукич улыбнулся так широко, что вдоль щек собрались складки, как у шарпея. Его глаза телеграфировали: я доволен, все хорошо, идем дальше, и побыстрее.

— Садись. Ты есть хочешь? Лера вечно в секретаршу играет, наиграться не может. Обожает гостям чай-кофе готовить. Нет, чтобы еды нормальной предложить. Так как? Может, поедим? Я, если честно, не помню, ел сегодня или нет.

«В ресторан приглашает прям с ходу», — подумала Таня. Настроение от этого почему-то резко улучшилось, руки перестали дрожать, и по телу растекалась приятная уверенность в своих силах. Нет, сиреневый пуловер рано выкидывать, с ее фигурой, да еще и без катышков, она многим фору даст. Надо сразу поставить его на место, чтобы не думал, будто она из разряда легкой добычи. Пару-тройку дней она его точно помуржит. А пока будет играть роль деловой женщины, молодой карьеристки. Тане казалось, что это будет смотреться стильно, даже сексапильно и принесет ей дополнительные очки.

— Нет, Игорь Лукич, давайте о деле. И еще. Если вас не затруднит, давайте придерживаться в обращении местоимения «вы», — сказала Таня если не ледяным, то подмороженным голосом.

— Понял. Не дурак. Был бы дурак — не понял, — отчего-то засмеялся собеседник.

И надо сказать, сделал это так непосредственно и живо, что ледышки в душе Тани начали таять, буквально течь ручьем. Она напряглась и включила внутренний холодильник на полную мощность.

— Я что-то смешное сказала?

— Как можно? Такая образованная девушка — и вдруг смешное! Какое гнусное подозрение! Так какое у нас местоимение будет рабочим? Только уж сделайте скидочку на необразованность, разъясните, чем у нас местоимение от наречия отличается, — смеясь, спросил хозяин кабинета.

Таня чувствовала, что ее игра в деловую женщину как-то не задалась, но выбирать другое амплуа было поздно. И она решила идти до конца:

— Я не собираюсь латать пробелы вашего образования. Но если очень кратко, то говорить незнакомому человеку «ты» — это вульгарно. «Ты» — это местоимение, «вульгарно» — это наречие.

Лана Барсукова

— Премного благодарен за ликбез. — На миг в его глазах мелькнуло нечто, похожее на отблеск отточенной стали.

Повисла пауза сродни мхатовской. И, похоже, он не собирался ее нарушать.

— Если мы сейчас не начнем работать, то я, пожалуй, пойду, — с вызовом сказала Таня.

— Идите.

Он больше не смеялся. Просто сидел и смотрел на нее взглядом удава. Таня не шелохнулась. Его «идите» было сродни «пошла вон». От унижения Таня растерялась. Тишина показалась ей такой долгой, что она с облегчением вновь услышала его голос.

— Но прежде чем вы уйдете, позвольте сказать вам нечто, что, возможно, пригодится в жизни. Если вам хочется играть во взрослую тетю, то выбирайте для этого другие песочницы. А я в своем кабинете буду вести себя так, как считаю нужным.

— Вы меня неправильно поняли...

— Все я правильно понял, девушка. И не перебивайте меня, а то я подумаю, что вы воспитаны еще хуже, чем я.

Таня замерла в кресле, вдруг почувствовав его объем, в котором она теряется, как песчинка. Она такая же маленькая и такая же бесцветная, беззвучная, безвкусная и безвольная. «Как стыдно быть песчинкой», — подумала Таня.

— Так вот. Не надо учить меня хорошим манерам, я владею ножом и вилкой не хуже вас, а возможно, и лучше. Мое дружеское расположение к вам вы восприняли как панибратство. Это говорит о том, что вы неумны и не чувствуете собеседника. А еще вы жеманны и лишены внутренней уверенности в себе, что пытаетесь скрыть за язвительностью и колкостью. Из этого я делаю простой вывод: для той работы, которую я надеялся вам поручить, вы не подходите. Не смею более задерживать.

И Игорь Лукич отвернулся от Тани.

Это было гуманно, потому что плакать на глазах у незнакомого мужчины было бы невыносимо стыдно. А не плакать Таня не могла.

Сначала у нее предательски задрожали губы, а потом потекло из глаз, да так обильно, что все вокруг поплыло, как будто Таня смотрела на мир из глубин аквариума. Вот теперь все сошлось, все фрагменты заняли положенное им место: она песчинка, которая смотрит на мир через толщу воды. Только вода почему-то соленая, наверное, это аквариум с морской водой. И сейчас приплывет акула и заступится за песчинку, разорвет этого ужасного Игоря Лукича. Хотя зачем акуле это надо? Песчинок вон сколько, и все они одинаковые, потому что никакие.

Скорее бежать отсюда, пока не начала всхлипывать, тогда позору не оберешься. В метро, в маршрутку, на свою конечную станцию, в убогую квартиру, в захлавленную редакцию, к статьям про перенос свалок и кастрацию котов, туда, где полно таких же песчинок, как она, туда, где вместе они сбиваются в целые дюны и придумывают свою жизнь, со своими взлетами и падениями, страданиями и радостями. «Надо жить среди своих», — главная заповедь песчинки, ее рецепт счастья. «Надо жить среди своих», — тикало в ушах Тани как приговор, по которому она оставалась песчинкой на веки вечные, без права на перевоплощение. «Надо жить среди своих», — шептала Таня, стгорая от стыда и желая только одного, — поскорее оказаться как можно дальше от этого кабинета, где обитает молния в деловом костюме. «Надо жить среди своих», — под эти слова, наверное, Наполеон рвался назад, в Париж, спасаясь от морозов и непопых русских.

Таня ринулась к дверям. Задержав дыхание, чтобы сохранить свои слезы в тайне, она рывком пересекла кабинет и плотно закрыла за собой дверь. Все, самое трудное

Лана Барсукова

позади. Она молодец, сдержалась, не расплакалась на глазах этого ужасного человека. Хотя с этим можно себя поздравить. Все остальное стыдно и больно, она все провалила, но хоть с этим она справилась. Он не увидел ее слез. Теперь можно выдохнуть. А заодно и расплакаться, пожалеть себя. Таня громко шмыгнула носом, ладошками растерла глаза, нервно всхлипнула и пошла к выходу сквозь длинный тоннель из железных шуток.

Но тут из аппендикса, заменяющего кухню, со скоростью акулы вынырнула Лера. Таня совсем о ней забыла, преждевременно выпустив слезы на свободу. Лера перегородила путь, в секунду оценила ситуацию и тут же начала действовать. Она усадила Таню на гостевом диване, вручила ей стопку салфеток для промокания слез, сбегала за новым чаем с лимоном и сахаром и даже накинула на Танины плечи невесть откуда взявшийся плед. При этом она непрерывно бубнила что-то среднее между боевым кличем и бабьими причитаниями, ни к кому особо не обращаясь:

– Вот еще! Сейчас! Разбежались! Каждый раз так плакать, так слез не хватит! И что за человек такой! И нечего его слезами баловать... Чести много будет. Нет, ну ты посмотри на него, как девочку расстроил. Глазки вот такие... Тише-тише, все устроится. Если бы я так каждый раз плакала, так давно бы в старуху превратилась. Ну что ты будешь делать с ним, вот такой он человек... Да он сам себе не рад иногда. Сам себя раз в год по праздникам любит. А может, ты коньячок выпьешь? И что там у вас произошло? А не надо ему в рот смотреть, все смотрят, а потом ревут девки-дуры. Ну-ну, все хорошо, все уже хорошо...

Таня не улавливала смысл этих слов, но считывала интонацию. Лера умела успокаивать, она вообще была убедительной во всех своих проявлениях. Таня почувствовала, что акула плавает над ней, доверчиво показывая ей свое белое брюшко. К прежнему восхищению

Сочини мою жизнь

Лерой-француженкой добавилась благодарность к Лерерусской, по-бабьи сострадательной.

Наконец поток Таниных слез иссяк, и она тихо сказала:

— Пойду я, спасибо вам, извините за переполох.

— Успокоилась? Все? Тогда я пошла.

— Куда?

— К нему, — спокойно сказала Лера.

— Зачем?

— Затем! Зачем-то ведь он тебя звал?

— Не надо!

— Надо! — подмигнула Лера.

— Я убегу.

— Только попробуй. Тогда между нами все будет кончено, навек, — сказала она с нарочитой театральностью.

Лера прошла к двери Игоря Лукича и, как успела заметить Таня, без стука зашла к нему. Через несколько минут она вынырнула с грацией акулы и покровительственно сказала Тане:

— Милости просим. Не будь душой на этот раз.

И Таня второй раз за этот кошмарный вечер вошла в кабинет.

* * *

Игорь Лукич сделал вид, что не заметил, как подурнела Таня. Красный нос и потекшая косметика шарма не добавляли, но зато слезы смыли все роли, которые она себе придумала. И от этого по второму кругу они пошли совсем иначе.

— Я, конечно, извиняюсь, был не прав, погорячился и все такое. Это я обозначаю как тезис, не будем на этом задерживаться. Словом, я осознал, ты, думаю, тоже. И хватит об этом. Согласна?

Таня кивнула, избегая смотреть на него.

— Обращаться к тебе буду на «ты», мне так проще. Тут уж извини, придется потерпеть. Теперь об обращении

Лана Барсукова

ко мне. Давай договариваться на берегу. Я тебя старше существенно, мне пятьдесят лет, на минуточку, поэтому я не могу настаивать, но мне было бы приятно услышать «ты» от молодой и красивой девушки. Это ты сама решишь, что, как и когда. Короче, я буду ждать, а ты форсируй это дело. Так будет проще работать.

Таня кивнула.

— Все, пошли дальше. Мне нужно твое перо. Петр Симонович тебя хвалил очень. Может, зря. Но давай попробуем. Только опыт критерий истины.

Таня кивнула.

— Вообще-то сам Петя пишет не очень, на тройку с плюсом, но вкус у него явно есть, и людей он верно оценивает.

Таня опять кивнула.

— Еще раз кивнешь, пойдешь к Лере вторую порцию слез чаем запивать, — сказал он ровным голосом, как будто предложил ей удобнее расположиться в кресле.

Таня вздрогнула и суетливо попыталась исправиться:
— Я постараюсь, хотя про промышленный дизайн мне писать не приходилось. Но в целом современный авангард я улавливаю. Хотя и не люблю, если честно.

— За честность спасибо, но при чем тут промышленный дизайн? И авангард твой?

— Он не мой. Это мировой тренд.

— Согласен. Но на вопрос ты не ответила.

— Ну как же? Вам ведь нужна статья про ваше хобби?

— Какое хобби? — В его глазах было искреннее непонимание. — Ты про что, дитя мое?

— Я про железные экспонаты, которые занимают весь этаж.

Игорь Лукич молчал. Таня решила, что он сражен наповал ее пронительностью, и продолжила победно:

— Конечно, это можно подать очень эффектно, как бегство от рутины бизнеса. Что есть бизнес, который тянет вас вниз, на грешную землю, а есть эта железная

инсталляция, которая весит тонну, но поднимает вас вверх, к небесам, как железные крылья. Это пока вчера, я потом лучше напишу. Сейчас это первое, что приходит в голову. Просто наброски.

— Стоп! Какая железная инсталляция? Какой этаж занимает?

— Этот. Второй то есть. Ну железо вдоль всего этажа...

— О господи! Лера, — закричал он, — дай нам коньяк! Я с ценителями современного искусства на трезвую голову говорить отказываюсь.

Но Лера не подала ни коньяка, ни признаков жизни. Видимо, она поняла, что это просто фигура речи. Наверное, она привыкла к ложным вызовам и не реагировала на них. И правильно сделала, потому что Игорь Лукич больше про коньяк не вспоминал. Вместо этого он спросил:

— Так, значит, инсталляция? И ты мне нужна для того, чтобы прослыть культурным человеком? Меценатом, коллекционером, куратором каким-нибудь гребаным?

Таня замерла. Кивать она уже боялась, а говорить не решалась. Просто безвыходное положение какое-то. Кажется, она уже успела сказать что-то лишнее, совершенно неуместное.

— Как ты сказала? Значит, я решил сбросить с ног пути бизнеса, тянущие вниз, и воспарить вверх на этих, как ты сказала, железных крыльях? Пошли!

Он решительно вышел из кабинета, Таня вприпрыжку за ним. Игорь Лукич тыкал пальцем в какую-нибудь железку и спрашивал:

— Это что?

— Ну... фигулина такая.

— Точнее!

— Вроде как конус.

— Думай!

— Воронка?

Лана Барсукова

— Правильный ответ! А это?

— На бидон похоже. Ой, нет, на флягу. Простите, я не различаю.

— Не важно, зачет. Уже два правильных ответа. А это?

— Типа тазика. Точно, тазик, только большой.

— А теперь скажи мне, милая девушка, это что надо сделать с мозгами, чтобы, глядя на бидоны, фляги и тазы, назвать все это инсталляцией? Это до какой же степени надо мозги про... — он запнулся, и Таня была ему благодарна за то, что он деликатно проглотил матерное слово.

Игорь Лукич виновато улыбнулся.

И Таня улыбнулась в ответ. Ей стало вдруг легко с этим резким, жестким и властным человеком.

* * *

Вернувшись в кабинет, они заняли прежние места: Таня в кресле, превышающем ее размеры в три раза, а Игорь Лукич заполнил собой все остальное пространство, непрерывно двигаясь по кабинету, как и положено шаровой молнии.

— Да, забыл предупредить, если еще раз назовешь мой бизнес путами и гирями, вылетишь отсюда, аки бабочка. Это не обсуждается, просто усвой. Это обязательное условие нашей работы. Я делаю сыр, запомни это, и ничего важнее сыра в моей жизни нет и быть не может. Те «тазики и бидончики», что ты видела, — это фрагменты оборудования для производства сыра разных времен и народов. Это коллекция, которой равных нет. Усвоила?

Таня кивнула.

— Вопросы есть?

— Есть. Так что я должна делать?

— Буковки писать, слова из них составлять. Желательно осмысленные.

Сочини мою жизнь

— Спасибо за исчерпывающую информацию. Все сразу прояснилось, — робко пошутила Таня. — А буковки о чем должны быть? Я так поняла, не про эту коллекцию.

— Догадливая, — похвалил Игорь Лукич.

— Тогда о чем?

— Не о чем, а о ком. Я пока еще лицо одушевленное. Хотя и не одухотворенное, как ты успела заметить. Живу без инсталляций, аки медведь.

— Значит, о вас.

— Да, обо мне. Пусть это не скромно, но, заметь, вполне логично. Зачем бы я стал тебе платить, если бы ты о других писала? Короче, будешь заправлять чернила из моего кошелька и рисовать буквы обо мне. Нормальный план?

— Я чернилами не пишу, я на компе печатаю. Но не суть. Что именно я должна написать?

— Биографию. Мою, разумеется. Родился, женился, развелся, и так несколько раз.

— Ну, положим, родились вы единожды.

— Это как сказать... Вот умру точно единожды. Что скажешь, милая девушка? Берешься? Вопросы есть?

— Вопросов нет, все понятно, — и Таня постаралась изобразить на лице готовность к трудовому подвигу.

А что такого? Все великие люди имеют свои биографии. В советское время даже книжная серия такая была — «ЖЗЛ», что означало «Жизнь замечательных людей». Многотомный сборник биографий верных сынов Отчизны в виде художественной прозы, по роману на каждого. Эта серия пережила страну. После СССР маховик «ЖЗЛ» не сбавил обороты, поменяв только критерии, по которым отбирались герои этой серии. Наверное, Игорь Лукич ждет от нее чего-то подобного — прижизненного причисления к лику «замечательных людей».

Какие-нибудь бездельники типа Бенджамина Франклина или Рокфеллера сами свои автобиографии писали, но

Лана Барсукова

у нас это как-то не прижилось. То ли некогда нашим замечательным людям было, то ли боязно. Сегодня написал про свое восхождение к славе, а завтра оказался космополитом, и вся твоя автобиография оказалась приобщенной к материалам следствия. Не успел себя поэтом возомнить, как срок за тунеядство впяли. Думал, что армией командуешь, а потом простой майор тебя в застенках выть заставит. Нет, наши люди автобиографий не пишут. И только после смерти на историю их жизни появляется спрос. Покойник не может дискредитировать свою биографию, замарать ее неблагоприятным поступком. Поэтому «Жизнь замечательных людей» всегда посвящалась замечательным, но исключительно мертвым людям. Вышло, что только умерший человек может быть окончательно и бесповоротно замечательным.

А Игорь Лукич, стало быть, ждать не хочет. Ему при жизни все подавай. Нетерпение у него в крови, это же видно невооруженным взглядом. Что ж, зато его позиция честная и откровенная: хочу при жизни почитать про то, какой я замечательный. Имеет право. И для этого ему нужна Таня, точнее, Танино умение складывать буквы в слова, а слова в предложения.

— Ясно, — подвела Таня итог своим мыслям. — Я согласна. Какой объем биографии нужен? И в каком жанре предпочитаете? Документальный очерк? Или выберем стилистику мемуаров? Что вам ближе? Или, может быть, автобиографический роман от третьего лица?

Игорь Лукич посмотрел на ее сосредоточенное лицо и захохотал. Глядя на него, можно было понять, как выглядел был шарней, если бы умел смеяться. Отсмеявшись, он сказал:

— Мне ближе здравый смысл, Танюша. Ты никак меня в формат «ЖЗЛ» вписать решила?

Таня опустила глаза и покраснела. Неловко разговаривать с человеком, который умеет читать твои мысли. Игорь Лукич изобразил комичное отчаяние и закричал:

Сочини мою жизнь

— Лера, срочно носи коньяк, меня подозревают в идиотизме, это надо отметить!

Как и ожидалось, Лера проигнорировала этот призыв. Похоже, она привыкла, что любая внештатная ситуация сопровождалась заказом коньяка, пить который никто не собирался.

И вдруг Игорь Лукич стал серьезным. Совсем. Это произошло так резко, что у Тани на лице зависла по инерции улыбка, ставшая вдруг совсем неуместной.

— Вот что, боевой товарищ Татьяна, я еще в своем уме и глянцевый памятник себе при жизни ставить не собираюсь. Не путай меня с разными гламурными гимнастками и сопливыми футболистами, которые свои бывлые спортивные травмы уже сто раз оптом и в розницу продали, биографические книжонки издали и автографы марают. — Игорь Лукич передернулся от отвращения.

— Я просто делаю сыр. Сыродел я. Ясно? Сыроделов в стране много, но мое отличие состоит в том, что я делаю сыра много и по возможности хорошо. Но мне не все удастся. Иногда мне мешают, иногда пакостят. И чтобы такого было поменьше, мне нужен депутатский мандат. Как я его буду использовать, тебе не нужно знать. Какие двери я им открывать буду, тоже не твое дело. Кому я глотку им заткну, опять же не твоя забота. Твоя задача — впрячься вместе со мной в его получение. Мы с тобой должны вырвать этот мандат, выгрызть его у жизни. Я достаточно красноречиво выражаюсь? Тебе все ясно?

— Ясно, — испуганно кивнула Тania.

Игорь Лукич, еще минуту назад подобный доброму шарпею, пугал ее скоростью перевоплощения. Теперь он был похож на рычащего волкодава. Ей захотелось быть от него подальше. На всякий случай.

— А может, этот мандат можно купить? — осторожно предложила она.

Расчет Тани был прост. Он купит свой мандат и отпустит ее назад, в теплую и пыльную редакцию, она ему

Лана Барсукова

будет не нужна. Это так здорово — сидеть, поджав ногу, крошить печенье на сиреневый пуловер, писать про мусорные свалки и знать, что вокруг тебя милые люди, которые мухи не обидят. Радоваться шуткам Петра Симоновича, талантливо описывать кастрацию котов, обсуждать с бухгалтером Людкой ее роман с разносчиком пиццы... Сколько тихой радости в их застойной гавани. А вместо этого рычащий волкодав берет ее с собой в поход за депутатским мандатом. Ей захотелось откосить от этой мобилизации.

— Купить? Да ты мудра не по летам. Аки змея. Телевизора насмотрелась?

— Ну... Наверное, можно же как-то...

— Это мы обсуждать не будем. Все, что нужно, с моей стороны будет сделано, в этом можешь не сомневаться. И не лезь туда, это не твоего ума дело. Твоя задача другого рода. Когда я выйду на финишную прямую, найдутся люди, которые вытащат на свет все мое грязное белье. А я его породил курганы, потому что жил всегда в полную силу. Если человек живет, его белье рано или поздно всегда становится грязным. Меня это не смущает, но это может повредить моим планам. И ты должна мне в этом помочь.

— Чем помочь? Постирать ваше грязное белье? — Таня сама не ожидала от себя такой дерзости.

Но, похоже, Игорь Лукич даже не заметил ее настроения.

— Стирать не надо, это тебе не по силам. Но надо всю мою биографию упаковать так, чтобы выбить карту из рук, скажем так, недоброжелателей.

— Не поняла.

— Не сомневаюсь. Поэтому слушай дальше. Я объясню один раз и подробно. Дальше ты уходишь и начинаешь работать. И мы встречаемся только для обсуждения твоей рукописи.

«Даже в ресторан не ходим», — тоскливо подумала Таня.

А Игорь Лукич продолжал:

— Твоя задача — не оставить в моей биографии ни одного, ни единого «белого» пятна. Чтобы никто не мог, пуская слюни, закричать на весь интернет: «Смотрите, что я нашел!» Все нашли раньше тебя, опоздал ты, मुदा. Прошу прощения за мой французский. Но! И вот тут главный фокус, за который ты отвечаешь: ты должна так скомпоновать эти «пятна», такую мозаику из них выложить, чтобы получился витраж чудовищной красоты. Аки в церкви. Чтобы я как херувим был, только без крыльев. Как там у тебя? Инсталляция тянет меня вверх, к небесам? Нет, милая девушка, вверх меня потянет твоя биография. То есть моя, но в твоём изложении. Ты должна сочинить мою жизнь, но при этом строго придерживаться фактов. Разложить неприглядные факты в такой пасьянс, чтобы с меня пионеры пример брали, если бы их не разогнали. Ясно?

— Не совсем.

— Правильный ответ. Ответила бы «ясно», уволил бы тут же, к чертовой матери. Потому что тебе ещё ничего не может быть ясно. Мне самому только в общем виде это понятно. Но ты вникай! Например, есть жены и любовницы, получившие отставку. Допустим, что они все прекрасные люди, даже расчудесные, но такое без обид не проходит. Всегда кажется несправедливым, что их поменяли на других. Иначе не бывает, это закон жанра. Любая женщина мечтает, чтобы история закончилась на ней. И вот я уже не обычный человек, с которым она не смогла ужиться, а безнравственный гад, который привык использовать женщин, срывать их, как цветы, на своем пути. Ну и вся прочая лабуда, которую пишут в женских романах. И вот тут внимание! Тут начинается самое главное! При определенных обстоятельствах, при грамотной подводке моих недоброжелателей они могут встать на скользкий путь — начать отрыгивать свой яд в умело подставленные уши.

Лана Барсукова

— Яд не отрыгивают, — автоматически поправила Таня. У нее было безошибочное чувство слова.

— А что с ним делают? Короче, не нуди. Но вообще-то ты молодец, со словами дружишь, я понял. Идем дальше. Твоя задача — найти этих женщин раньше конкурентов, выдавить их яд в свои уши, полностью, без остатка, буквально осушить закрома яда, а потом составить эти слова в такую пирамидку, чтобы я получился какой-то героический гад. Ведь между гадом и суперменом грань очень тонкая, можно даже сказать, условная. Ну, не знаю, например, я выкинул милую женщину из машины в чистом поле, чем смертельно ее обидел. Принято! Повод для обиды, согласен, уважительный. Но опять же это как посмотреть! А что, если я очень спешил? И на выяснение отношений у меня не было времени? Например, я торопился принимать роды у племенной коровы.

— Какой коровы?

— Условной. Это я для примера. Хотя, кстати, племенная корова стоит дороже любой любовницы, если их в долларах оценивать. А сыры, настоящие сыры, очень требовательны к качеству молока. Найти качественное молоко сложнее, чем хорошую любовницу. Для сыров корова важнее, чем любовница. И, стало быть, для меня тоже. У меня сердце в виде сыра. Огромное сырное сердце. Вот такое я чудовище.

И он опять улыбнулся, широко, собрав кучу складок. И опять стал похож на шарпея. Только теперь Таня отчетливо увидела, что у этого шарпея глаза волкодава.

— Я правильно поняла, что надо написать биографию, где скажут свое веское слово все, кто терся о ваше грязное белье? Но их воспоминания надо... — Таня мучительно подбирала точное слово, — надо как бы отретушировать и в правильную рамку вставить...

— Да! — почти закричал Игорь Лукич. — Вот! Точно! Самая откровенная биография, с кучей клубнички, наши это любят, но чтобы правда там была исключительно

правильная, в нужной таре. Или, как ты сказала, в верно подобранной рамке.

— Это как?

— А правда разная бывает. Нам нужна только правильная, и никакая другая. Смотри. Условная ситуация следующая: ушел мужик от жены к любовнице. Он кто? Мерзавец? Это одна правда, и она имеет место быть. Потому что бросил, разлюбил, выкинул из своей жизни, а она уже немолодая, и шансов на новую семью у нее почти нет, и прочие жалостливые слова. Бр-р-р, — и Игорь Лукич брезгливо передернулся, — но, с другой стороны, может, он любовь ищет, жить без любви не может. Вот тебе и вторая правда. Тогда он не мерзавец, а герой-идеалист, который мыкается по свету, мечту за хвост ухватить хочет. Улавливаешь разницу?

Таня задумчиво и неопределенно кивнула. Все-таки первая правда ей больше нравилась. Но суть задания она начала понимать, и ее осмысленный взгляд не укрывлся от заказчика.

— Кстати, что мы все о бабах разговор ведем? Там еще целая тема с партнерами по бизнесу будет, но логика та же. Ну ты уловила! Да, бросал, кидал партнеров, разводил на деньги клиентов, да, измарался по полной. Эти факты ты быстро нароешь, я их неглубоко закапывал. Бизнес вообще в белых перчатках не делается. Но! И вот тут главное! Делал это исключительно из лучших побуждений, чтобы в итоге построить настоящую сырную империю. Теперь люди мой сыр едят и плевать готовы на всю эту предысторию. Улавливаешь? Все зависит от того, какие слова ты нанижешь на эту сюжетную нитку. И никто нитку не увидит, все увидят готовые бусы. Твоя задача — нанизывать на мою жизнь правильные бусины-слова. Поняла?

— Да, — честно призналась Таня. — Значит, с вас нитка, а с меня готовые бусы?

— Не дурак Петька! Правильную девочку подобрал! Значит, работаем.

Лана Барсукова

И он быстро подлетел к столу, точным движением вытащил из горы бумаг один листок и по-деловому, как будто он на производственном совещании, сказал:

— Вот, смотри. Здесь я набросал перечень твоих главных информантов, с кем тебе обязательно надо встретиться. Напротив каждого — телефон, адрес, все, что знаю. Тут два раздела: личная жизнь и деловые контакты. Берем только основных людей, мелочовку пропускаем. Случайные связи, короткие интрижки и мимолетные бизнес-схемы я уже отфильтровал, здесь их нет. Они погоды не делают. Все, что в списке, — обязательно для отработки, тут только крупные кирпичи моей жизни. Ну сама разберешься. Срок тебе два месяца.

Таня посмотрела на листок. Имен было много. В разделе «Личное» были выделены подгруппы: жены и любовницы. И напротив каждой аккуратно прописаны годы, им отведенные. Даты стояли через дефис, как на кладбищенском памятнике: когда в их жизни появился Игорь Лукич и когда ушел от них. Почему-то Таня не сомневалась, что уходил он, а не от него.

По бизнесу тоже был полный армейский порядок. На листке в разделе «деловые контакты» шли имена, сопровождаемые датами. Ясная и четкая система.

— Двух месяцев мало, — оценила объем работы Таня.

— Тогда два месяца и пять дней, это край. На работу в редакцию, разумеется, не ходи. Я с Петькой договорюсь. О деньгах не думай. Вот тебе на первое время на представительские нужды, разные там кафе, такси и прочее. Возможно, придется слетать в какие-то города. Не экономь! Это приказ!

И он вручил ей пластиковую карточку, к которой скрепкой была прикреплена бумажка с какими-то цифрами. «Пин-код», — догадалась Таня. Банковская карточка была на имя Татьяны Сидоровой. Значит, он не сомневался, что они договорятся. Заранее в банке кар-

Сочини мою жизнь

точку на ее имя открыл. «Сердце у него, может, и сырное, но все остальное железное», — подумала Таня.

— За работу рассчитаюсь в конце, когда рукопись принесешь. Поверь, это будут хорошие деньги. Не обижу. Возникнут вопросы — обращайся.

Таня поняла, что тема исчерпана. Вообще не понять его было трудно, он говорил однозначно и повелительно.

— Да, и еще. Если надо с кем-то о встрече договориться, можешь это Лере поручать. Чтобы тебе время и нервы сэкономить.

Разговор был окончен. Пора было уходить и браться за работу. Таня чувствовала себя довольно неплохо: задание интересное, можно даже сказать, творческое, деньги обещаны хорошие, Игорь Лукич вменяемый. Похоже, признает ее журналистский талант. Даже Леру ей в помощницы выделил. Приятно, когда тебя ценят. Что еще надо? Она пошла к дверям.

— И не болтай нигде, ничего и никогда. Иначе урюю, — выстрелил ей в спину Игорь Лукич.

Это было так неожиданно и так контрастировало с ее душевным подъемом, что Таня слегка пошатнулась, но устояла. Видимо, он выстрелил холостым. Однако ее хорошее настроение лопнуло, как воздушный шарик. Шарпей на прощание сверкнул глазами волкодава.

Глава 4

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ ВАРВАРА

Логично было писать биографию с самого начала, поэтому Таня начертила на бумаге две стрелы, дав им кодовые названия «Личная жизнь» и «Хроники бизнеса». Немного подумала и приписала под второй стрелой: «Становление сыродела», так получилось менее официально и более конкретно.

Лана Барсукова

По понятным причинам разрабатывать первую линию ей было неизмеримо интереснее. Молодость и принадлежность женскому племени определяли ее вкусы. К тому же прежняя работа напрочь лишала ее подобных возможностей, обрекая на сплошные хроники ничтожно малых деловых событий. А тут впереди призывно мерцали любовные страсти, в которых ей предстояло разобраться.

Будучи человеком тщательным и системным, Таня нарисовала на прямой стреле времени несколько зарубок: первая свадьба, развод, вторая свадьба, развод. В соответствующем хронологическом порядке вставила парочку любовниц. Получилась хорошая канва для сентиментальной истории, настоящий синопсис мелодрамы. Одно удовольствие писать про такую полнокровную личную жизнь. Осталось придать ей огранку, оформить в литературную красоту, сделать Игоря Лукича героем с большой сердечной мышцей. Вот это и будет ее рабочая схема на первое время.

Правда, факты из личной жизни сыродела по-разному отдавались в ее душе. То, что Игорь Лукич не состоит на данный момент в браке, почему-то вызывало в ней чувство глубокого удовлетворения, а вот то обстоятельство, что у него в настоящее время есть любовница, почему-то раздражало.

Таня признавалась себе, что ей чисто по-женски любопытно посмотреть на избранниц Игоря Лукича. Его незаурядность не оставляла сомнений. Интересно, каких женщин выбирают подобные мужчины? И где-то в глубине души всплывал вопрос — похожа ли сама Таня на таких женщин? Мог бы он выбрать ее в гипотетических предлагаемых обстоятельствах?

Разбираться в хитросплетениях личной жизни сыродела ей было интереснее, чем в модернизации свалок, о которых она писала в газете. Поэтому энтузиазм звенел в ней натянутой струной, когда она позвонила «стар-

шей жене». Это была первая зарубка, первый водоворот в личной жизни Игоря Лукича. Зарубку звали Варварой.

Варвара сняла трубку с первого гудка и так нетерпеливо сказала «Да, слушаю», как будто Таня уже целую минуту мучила ее молчанием. Таня интуитивно прибавила скорость своей речи, выпалив заготовленную фразу о необходимости встречи.

— Я поняла, вам нужно поговорить о молодости Игоря. — Тане показалось, что Варвара говорит на бегу. — Скажите, а можно обойтись без меня? Пусть сам все расскажет. Или у него нет времени на воспоминания?

— Он очень просил вас помочь мне. Мне важно...

В трубке затрещало и связь прервалась. Видимо, Варвара забежала в такой укромный угол, куда не проникали волны сотовой связи. И тут же сама перезвонила, выбежав на открытый простор.

— Как вас зовут? Татьяна? Вот что, Татьяна, пока меня не взяли в оборот другие дела, давайте прямо завтра. Покончим с этим побыстрее, раз это неизбежно. Когда уже Игорь наконец забудет про мою скромную персону?

Тане показалось, что ссылка на пожелания бывшего мужа работает безотказно. Ему не перечат даже после развода. А может, «старшей жене» напоследок тоже было обещано «урить», если что. Так или иначе, упрямить ее о встрече не пришлось. Она согласилась быстро, хоть и неохотно.

— Спасибо. Где вам удобно?

— Мне, вообще-то, завтра нигде не удобно, если честно. Знаете что? Если вас не затруднит, то давайте у меня дома. Вы можете записать адрес? — И она начала диктовать адрес раньше, чем Таня нашла клочок бумажки. Пришлось запоминать со слов.

Но даже эта техническая сложность не омрачила настроения Тани. Она получила согласие на встречу в домашней обстановке, и это была безусловная удача. Ведь если и выдавливать яд до дна в соответствии с указани-